

V $\frac{119}{198}$

1

119
198

Проф. П. Н. АРДАШЕВЪ.

РАЗБОРЪ КНИГИ А. ОНУ

ВЫБОРЫ 1789 ГОДА **ВО ФРАНЦІИ**

и

наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ
соотвѣтствія истинному настроенію страны.

(С.-Петербургъ, 1908).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІА
1909.

23

Проф. П. Н. АРДАШЕВЪ.

У 119
198

РАЗБОРЪ КНИГИ А. ОНУ

ВЫБОРЫ 1789 ГОДА ВО ФРАНЦІИ

И

НАКАЗЫ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИХЪ
СООТВѢТСТВІЯ ИСТИННОМУ НАСТРОЕНІЮ СТРАНЫ.

(С.-Петербургъ, 1908).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

1909.

Проф. П. Н. АРДАШЕВЪ

РАЗБОРЪ КНИТЪ А. ОНУ

ВЫБОРЫ 1789 ГОДА ВО ФРАНЦІИ

И

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1909 годъ.

(С.-Петербургъ, 1908)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ГЕНЕРАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1908.

2007097130

Книга г. А. Ону, отдѣльныя главы которой печатались, начиная съ 1898 г., въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, является, если оставить въ сторонѣ нѣсколько напечатанныхъ имъ ранѣе небольшихъ этюдовъ по-русски и по-французски, первымъ крупнымъ научнымъ трудомъ автора. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что она отнюдь не подтверждаетъ извѣстной скептической пословицы о первомъ блинѣ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ неувѣренной пробой пера „начинающаго автора“, а съ вполне солидно въ методологическомъ отношеніи обставленнымъ и въ общемъ удачно выполненнымъ научнымъ изслѣдованіемъ. Это во всякомъ случаѣ—крупная работа, и не только по своему объему и по количеству вложеннаго въ нее труда, но и по своей объективной научной цѣнности. Мы начинаемъ съ этого указанія для того, чтобы сказать, что книга г. А. Ону не принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній „начинающихъ ученыхъ“, которыя нуждаются въ нарочито снисходительной и „поощрительной“ критикѣ. Къ сочиненію г. А. Ону намъ нѣтъ поэтому нужды подходить съ какою-либо специально укороченною критическою мѣркой; къ нему мы можемъ смѣло примѣнять максимальный научный масштабъ. Если автору, а, быть можетъ, и читателю, наша критическая требовательность покажется мѣстами преувеличенной, то пусть, по крайней мѣрѣ, они знаютъ, что эта требовательность подсказана не мелкой придирчивостью, а высокой оцѣнкой разбираемаго труда.

I.

Книга г. А. Ону начинается небольшимъ введеніемъ (стр. 1—20), состоящимъ изъ двухъ, въ сущности совершенно самостоятельныхъ и логически другъ съ другомъ не связанныхъ очерковъ. Первый изъ

нихъ, носящій заглавіе „Планъ настоящей работы“, было бы точнѣе озаглавить: „Задача настоящей работы“, потому что, дѣйствительно, въ немъ авторъ излагаетъ именно свой взглядъ на свою *задачу*, а что касается *плана* работы, то онъ остается неяснымъ для читателя не только по прочтеніи означенной части введенія, но и по прочтеніи всей книги, такъ какъ, назвавши вышедшую книгу „первой частью“, авторъ не даетъ рѣшительно никакихъ указаній на счетъ предполагаемаго содержанія слѣдующей или слѣдующихъ частей. Послѣдняя или послѣднія остаются тѣмъ болѣе загадочными для читателя, что въ концѣ своей книги авторъ заявляетъ: „Итакъ, задача настоящей работы доведена до конца“ (стр. 706). Спрашивается, что же это за будущая вторая (или вторая, третья и т. д.) часть работы, которую самъ авторъ объявляетъ законченной? Заглавіе книги не только не разрѣшаетъ этого недоумѣнія, а, напротивъ, лишь усугубляетъ послѣднее, такъ какъ заглавіе „первой части“ не уже (какъ бы слѣдовало ожидать), а шире общаго заглавія книги, такъ какъ послѣднее ограничиваетъ вопросъ о наказахъ, какъ источникѣ, точкой зрѣнія субъективной достовѣрности, тогда какъ въ заглавіи второй части идетъ рѣчь о наказахъ, какъ историческомъ источникѣ безъ означеннаго ограниченія (слѣдовательно, какъ съ точки зрѣнія субъективной, такъ и съ точки зрѣнія объективной достовѣрности, но послѣднее, какъ увидимъ, не входитъ въ задачу изслѣдованія г. А. Ону).

Итакъ, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „планъ настоящей работы“, о планѣ въ дѣйствительности—ни слова; за то вполне ясно формулируетъ авторъ свою задачу. „Прежде, чѣмъ сослаться на указы третьяго сословія, какъ на сознательное выраженіе настроенія и воли большинства французскаго народа, говоритъ онъ, необходимо изслѣдовать ихъ достовѣрность въ этомъ отношеніи. Для этого нужно прежде всего изучить обстановку ихъ составленія, иначе говоря, произвести систематическое изученіе выборовъ 1789 года съ цѣлью подготовки критическаго разбора cahiers“.

Задача поставлена очень удачно и интересно, такъ какъ положенный въ ея основу вопросъ принадлежитъ, безспорно, къ числу наиболѣе важныхъ и въ то же время наименѣе изученныхъ проблемъ предреволюціонной эпохи (къ сожалѣнію, по-русски не имѣется такого удачнаго выраженія для этого, какъ нѣмецкое *Vorgeschichte der Revolution*). Разумѣется, что такая постановка вопроса дѣлала необходимымъ непосредственное обращеніе къ остающимся, за немногими исключеніями, неизданными документальнымъ матеріаламъ по исторіи

выборовъ 1789 г.: протоколамъ избирательныхъ собраній, официальной перепискѣ, текстамъ первичныхъ (въ большинствѣ своемъ также неизданныхъ) наказовъ и т. д.

Значительная часть этого обширнаго матеріала хранится въ главномъ изъ центральныхъ французскихъ архивовъ, носящемъ названіе „Национальнаго“; эта часть матеріала и была подвергнута впервые г. А. Ону систематическому и обстоятельному изученію, и въ этомъ его главная заслуга. Конечно, матеріаль этотъ, при всей своей обширности, далеко недостаточенъ для исчерпывающаго изученія предмета, но на такое исчерпывающее изученіе не претендуетъ и самъ авторъ, и нельзя, конечно, ставить ему въ вину, что онъ не выполнилъ того, что, по его совершенно вѣрному замѣчанію, „потребовало бы нѣсколькихъ человѣческихъ жизней“, и прибавимъ—значительныхъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ для изученія всего (до сихъ поръ въ значительной своей части еще не приведеннаго даже въ извѣстность) сохранившагося по этой части документальнаго матеріала пришлось бы исколесить вдоль и поперекъ всю Францію и перерыть сотни мѣстныхъ архивовъ—департаментскихъ, судебныхъ, городскихъ и частью даже сельскихъ. Мы не думаемъ также ставить автору въ серьезный упрекъ создаваемые, впрочемъ, и имъ самимъ „изъяны въ литературѣ предмета“, тѣмъ болѣе, что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. А. Ону, „библіографія исторіи революціи, при ея подавляющей громадности и при полной неудовлетворительности болѣе половины печатныхъ книгъ, находится еще почти въ зачаточномъ состояніи“. Такимъ образомъ, по признанію самого автора, „и въ этомъ отношеніи предлагаемый трудъ не можетъ имѣть исчерпывающаго значенія“ (стр. 13). Не можемъ, однако, не замѣтить, что, даже не претендуя на полноту библіографіи, авторъ сдѣлалъ бы хорошо, не обходя полнымъ молчаніемъ такихъ, столь близко касающихся изучаемаго имъ вопроса новѣйшихъ трудовъ, какъ монографіи Delanoy о выборахъ въ генеральные штаты 1789 г., Cochin et Charpentier о выборной кампаніи 1789 г. въ Бургони, Mallet—о выборахъ въ понтуазскомъ бальяжѣ.

Вторая, меньшая часть введенія (стр. 13—21), озаглавленная „Историческая обстановка выборовъ 1789 г. по послѣднимъ даннымъ“, представляетъ собою попытку общей характеристики политическихъ и общественныхъ отношеній „старога порядка“ наканунѣ его паденія. Думается, что слѣдовало такому предмету, разъ онъ затронуть, посвятить уже не восемь страницъ, а по меньшей мѣрѣ вчетверо болѣе,

либо—вовсе его не затрагивать. Въ томъ видѣ, какъ онъ есть, названный очеркъ не представляетъ серьезнаго интереса ни для читателя-спеціалиста, какъ черезчуръ поверхностный, ни для читателя изъ большой публики, какъ слишкомъ отвлеченный и такъ сказать—афористичный. Да, наконецъ, на основаніи изученнаго имъ матеріала авторъ, все равно, не могъ создать себѣ сколько-нибудь полнаго и самостоятельнаго представленія о предметѣ; попытки же отнестись критически къ чужимъ воззрѣніямъ у него сводятся, какъ и слѣдовало ожидать, къ противопоставленію критикуемаго чужого воззрѣнія другому, тоже чужому мнѣнію, иногда вдобавокъ недостаточно правильно понятому. Типичный въ этомъ отношеніи образецъ представляетъ высказываемое авторомъ на стр. 20 возраженіе противъ „снисходительности и даже симпатіи къ старой провинціальной администраціи во Франціи“ со стороны пишущаго эти строки (въ „Провинціальной администраціи во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка“, 2 т. С.-Пб. и Кіевъ, 1900—1906 г.г.). Въмѣсто всякаго доказательства, г. А. Ону ограничивается ссылкой на мнѣніе А. Токвиля. „Скажу, говоритъ онъ, что расхожусь съ кіевскимъ профессоромъ постольку, поскольку онъ расходится съ точкой зрѣнія Токвиля, къ которой я почти всецѣло примыкаю“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ (давно къ тому же рѣшенный въ наукѣ) о томъ, насколько мнѣніе, хотя бы и авторитетное, можетъ замѣнить собою доказательство, основанное на источникахъ, позволимъ себѣ увѣрить г. А. Ону, что его попытка противопоставить въ данномъ случаѣ пишущаго эти строки Токвилю основана на неправильномъ пониманіи обоихъ. Что касается пишущаго эти строки, то его „одобрительное отношеніе къ провинціальной администраціи при Людовикѣ XVI“ относится въ дѣйствительности не къ администраціи вообще, а къ тѣмъ ея представителямъ, дѣятельность которыхъ имъ изучена, а эта дѣятельность, насколько о ней можно судить по дошедшимъ до насъ источникамъ, такова, что человекъ, свободный отъ предвзятыхъ мнѣній, не можетъ отнестись къ ней иначе, какъ съ „одобрительностью“, а къ лицамъ, ее осуществлявшимъ, иначе, какъ „съ симпатіей“ (но отнюдь не съ „снисходительностью“, въ которой они совершенно не нуждаются). Какъ бы то ни было, мое „одобрительное“ отношеніе относится исключительно къ *людямъ* и ихъ *дѣятельности*, а не къ *учрежденіямъ* и ихъ *организации*, неудовлетворительность которыхъ мною, полагаю, была достаточно выяснена. Но если г. А. Ону находить возможнымъ противопоставлять пишущему эти строки Токвилю, то это потому, что онъ

не понялъ и послѣдняго, или, точнѣе,—понялъ его лишь наполовину. Совершенно вѣрно, что Токвиль не высказываетъ ни симпатіи, ни даже снисходительности къ старой провинціальной администраціи во Франціи; но г. А. Ону (какъ, впрочемъ, и многіе изъ моихъ критиковъ русскихъ и французовъ) упустилъ изъ вида тѣ въ высшей степени важныя оговорки, которыя дѣлаетъ при этомъ Токвиль относительно позднѣйшей поры стараго порядка, т. е.—той эпохи, къ которой спеціальнымъ образомъ и относится моя работа. Именно, Токвиль замѣчаетъ, что въ послѣднюю пору стараго порядка французская администрація, въ лицѣ ея представителей, настолько измѣнилась и „преобразилась“ къ лучшему, что, говоритъ онъ, писать по ней портретъ администраціи дореволюціонной Франціи значило бы писать портретъ „изрядно подольщенный и мало схожій“ (стр. 92—93, 262 и 265 франц. изданія 1856 г.). Другими словами, Токвиль рисуетъ „портретъ“ французской администраціи не послѣдней поры стараго порядка, а эпохи болѣе ранней. Относительно же эпохи болѣе поздней онъ дѣлаетъ вполне опредѣленную оговорку, показывающую, что его отрицательное отношеніе на нее не распространяется. Если бы г. А. Ону правильно понялъ меня и противопологаемаго имъ мнѣ писателя, то онъ бы не усмотрѣлъ въ ихъ взглядахъ того, чего въ нихъ какъ разъ не имѣется: взаимной противоположности.

II.

Первая глава разбираемой книги, озаглавленная „Законъ о выборахъ и отношеніе власти къ избирателямъ“ (стр. 82—111), послѣ краткаго изложенія избирательнаго закона (регламента 24-го января 1789 г.), болѣе обстоятельно трактуетъ два вопроса: объ отношеніи центральной власти къ выборамъ (стр. 25—48) и о роли мѣстныхъ властей (стр. 49—111).

Это одна изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ главъ всей работы, хотя и не изъ наиболѣе удачныхъ. Что авторъ не сумѣлъ избѣжать повтореній, говоря о роли судейскихъ во второмъ отдѣлѣ главы, хотя имъ спеціально посвященъ третій,—это еще поль-бѣды. Болѣе серьезный дефектъ заключается въ томъ, что, говоря довольно обстоятельно о роли судебного вѣдомства, авторъ совершенно забываетъ о верхахъ послѣдняго—парламентахъ. Правда, парламенты не играли никакой непосредственной роли въ выборахъ 1789 года, но косвенно, въ дѣлѣ общественной агитаціи, именно, въ направленіи,

противоположномъ господствовавшему въ то время лозунгу: *vote par tête, doublement du tiers*—эта роль была не изъ послѣднихъ и выяснить ее болѣе обстоятельно было бы важно. Не менѣе серьезный промахъ допустилъ авторъ, трактуя о роли судейскихъ въ одной плоскости съ прочими „властями“, т. е. административными органами правительства, интендантами и субделегатами. Судейскіе чины на мѣстахъ трактуются авторомъ на ряду съ этими послѣдними, въ качествѣ двухъ категорій „мѣстныхъ властей“, настолько между собою родственныхъ и взаимно солидарныхъ, что онъ считаетъ даже возможнымъ говорить о „программѣ мѣстныхъ властей“, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ терминомъ судейскихъ и администрацію вмѣстѣ. Въ результатѣ подобнаго трактованія, у читателя, не посвященнаго въ детали административнаго и судебного строя старой Франціи, создается совершенно неправильное представленіе о послѣднемъ, и это тѣмъ болѣе, что сплошь да рядомъ употребляемое г. А. Ону безъ всякихъ оговорокъ выраженіе „министръ юстиціи“, вмѣсто „хранителя печатей“ (иногда, впрочемъ, и этотъ титулъ встрѣчается у г. А. Ону, но въ неточной формѣ: „хранитель печати“), еще болѣе утверждаетъ непосвященнаго читателя въ неправильномъ представленіи о судебномъ вѣдомствѣ старой Франціи— по образу и по подобию современнаго строя: судебное вѣдомство, какъ одно изъ правительственныхъ вѣдомствъ, и судейскіе чины, какъ одинъ изъ мѣстныхъ органовъ центральной власти. Г-ну А. Ону, конечно, не безызвѣстно то совершенно особое положеніе, какое занимало въ дореволюціонной Франціи судебное вѣдомство, какъ своего рода государство въ государствѣ; это необходимо было коротко, но ясно отмѣтить и подчеркнуть. Кое-гдѣ вскользь брошенныхъ словъ о продажности и наслѣдственности судейскихъ должностей совершенно недостаточно, въ особенности въ виду неудачнаго построенія разбираемой главы, создающей въ головѣ читателя, въ связи съ неустойчивой и неточной терминологіей автора, совершенно превратное представленіе о дѣйствительномъ положеніи вещей въ изучаемую эпоху, въ чемъ пишущему эти строки приходилось неоднократно убѣждаться лично, при чтеніи составленныхъ по книгѣ г. А. Ону рефератовъ студентами университета и слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ. Было бы лучше, если бы г. А. Ону въ главѣ объ отношеніи власти къ избирателямъ ограничился рѣчью о правительствѣ и его административныхъ органахъ, а судебному вѣдомству посвятилъ бы особую главу, въ которой, къ тому же, на ряду съ судейскими, могли бы съ удобствомъ найти себѣ мѣсто и другія не являвшіяся

органами правительства „мѣстныя власти“, почему-то совершенно забыты авторомъ: муниципалитеты, провинціальные штаты и провинціальные собранія съ ихъ исполнительными органами.

При всемъ томъ разсматриваемая глава содержитъ въ себѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ результатовъ. Во-первыхъ, путемъ тщательнаго подбора обширнаго документальнаго матеріала (данныя котораго, однако, авторъ могъ бы использовать болѣе экономно, не отягощая книги и не утомляя вниманія читателя изложеніемъ зачастую однородныхъ случаевъ, которые достаточно было лишь кратко отмѣтить) г. А. Ону окончательно выяснилъ ту преобладающую роль, которую играли въ выборныхъ операціяхъ судейскіе, въ особенности въ лицѣ лейтенантовъ бальяжей и сенешальствъ („сенешоссей“, по неудачной транскрипціи автора). Въ качествѣ предсѣдателей окружныхъ собраній, они имѣли сильное, зачастую рѣшающее вліяніе какъ на ходъ выборовъ, такъ и на составленіе окружныхъ наказовъ. Другой цѣнный результатъ разсматриваемой главы заключается въ окончательномъ выясненіи вопроса о роли правительства въ выборахъ 1789 г. За недостаткомъ объективныхъ данныхъ, вопросъ этотъ рѣшался до сихъ поръ каждымъ историкомъ на основаніи болѣе или менѣе произвольныхъ и субъективныхъ соображеній, продиктованныхъ по большей части предвзятыми симпатіями или антипатіями авторовъ къ „старому порядку“. Собранныя г. А. Ону документальныя данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство Людовика XVI вполнѣ добросовѣстно соблюдало заявленный имъ официально принципъ невмѣшательства въ выборы и вполнѣ сознательно и послѣдовательно воздерживалось отъ прямого ли или косвеннаго давленія какъ на выборы, такъ и на составленіе наказовъ. „Всѣ распоряженія правительства, вся переписка министровъ съ агентами мѣстной судебной и административной власти—все клонилось къ точному, безъ оговорокъ и недомолвокъ, проведенію начала невмѣшательства“ (стр. 30). „Если пересмотрѣть все относящееся до выборовъ въ 90 картонахъ серіи В^a и 174 фоліантахъ серіи В^{xix} въ національномъ парижскомъ архивѣ, то нельзя найти и слѣда тѣхъ макіавелистическихъ замысловъ правительства, какіе ему приписываются нѣкоторыми историками“ (стр. 33). Этотъ выводъ представляетъ тѣмъ большую цѣнность, что онъ исходитъ отъ писателя, котораго скорѣе можно упрекнуть за нѣсколько предвзятое скептическое отношеніе къ „Назарету“ стараго порядка, чѣмъ за „снисходительность и симпатіи“ къ послѣднему. Но авторъ слишкомъ проникнутъ научнымъ интересомъ къ изучаемой

эпохѣ, чтобы диктуемую источниками историческую правду приносить въ жертву тѣмъ или другимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Повинуясь повелительному голосу источниковъ, автору не разъ случается даже обмолвиться добрымъ словомъ о той самой администраціи стараго порядка, противъ „одобрительнаго“ и „снисходительнаго“ отношенія къ которой со стороны пишущаго эти строки онъ только что было мобилизовалъ цѣлую армію ученыхъ авторитетовъ, съ Токвилемъ во главѣ.

III.

Слѣдующія двѣ главы носятъ заглавія: „Давленіе и избирательная борьба въ приходсахъ“ (глава вторая, стр. 112—202) и „Первичныя собранія приходовъ“ (глава третья, стр. 203—276). Обратный порядокъ, казалось бы, былъ болѣе естественнымъ, но, разъ таково было изволеніе автора, подчинимся установленному имъ порядку изложенія.

Вторая глава начинается вводными замѣчаніями, сущность которыхъ сводится къ тому, что въ приходскихъ собраніяхъ, на которыхъ составлялись первичные наказы крестьянъ и горожанъ, „слѣдуетъ искать истинно народной подкладки знаменитыхъ кайе (sic!), составленныхъ отъ имени французскаго народа“ (стр. 112). Какъ и слѣдовало ожидать, судя по заглавію книги и по введенію, авторъ говоритъ въ этихъ вводныхъ замѣчаніяхъ о своемъ намѣреніи посвятить главу приходскимъ собраніямъ, какъ сельскимъ, такъ и городскимъ. Обѣщаніе это, однако, остается невыполненнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности вся глава посвящена исключительно лишь деревенскимъ, крестьянскимъ приходскимъ собраніямъ. Почему же обойдены полнымъ молчаніемъ городскія собранія? На этотъ вопросъ авторъ не даетъ никакого отвѣта. Первый отдѣлъ главы озаглавленъ: „Предсѣдательство сенъеріальныхъ судей“ (стр. 112—135). Но содержаніе отдѣла не вполне отвѣчаетъ заглавію, такъ какъ кромѣ сенъеріальныхъ судей, здѣсь говорится также и о судьяхъ королевскихъ; при чемъ автору здѣсь приходится еще разъ повторяться послѣ того, что было дважды говорено о роли судей во второмъ и третьемъ отдѣлахъ первой главы. Далѣе, хотя отдѣлъ озаглавленъ „Предсѣдательство сенъеріальныхъ судей“, но въ немъ говорится также о предсѣдательствѣ на приходскихъ собраніяхъ и лицъ другихъ общественныхъ положеній, въ томъ числѣ о сельскихъ синдикахъ (старостахъ). О послѣднихъ г. А. Ону даетъ въ примѣчаніи краткое поясненіе, въ которомъ вѣрное не

совсѣмъ ясно, а ясное не совсѣмъ вѣрно. „Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ старосты избирались сельскими обществами, въ другихъ назначались администраціей или сеньеромъ“ (стр. 119). Вѣрно, но неясно, что разумѣеть авторъ подъ „мѣстностями“: отдѣльныя ли поселенія или же цѣлые районы; если послѣднее, то неясность осложняется уже неточностью. „Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что очень многіе синдики избирались, а не назначались“ (тамъ же). Ясно, но не вполне вѣрно, потому что назначались синдики лишь въ единичныхъ и исключительныхъ случаяхъ; приведеннымъ разъясненіемъ г. А. Ону это, конечно, не отрицается, но утверждаемый имъ фактъ все-таки не вполне точно выражаетъ дѣйствительное положеніе вещей.

Въ разбираемомъ отдѣлѣ второй главы авторъ еще разъ подчеркиваетъ преобладающее вліяніе судей въ дѣлѣ выборовъ и составленія наказовъ и, въ частности, что касается вліянія сеньеріальныхъ судей, то авторъ приходитъ къ тому выводу, что сеньеріальные судьи, стѣсняя свободу первичныхъ собраній, противодѣйствовали внесенію въ первичные наказы жалобъ противъ сеньеріальнаго суда и сеньеріальныхъ правъ.

Что касается собственно вліянія самихъ сеньеровъ (этому вопросу посвященъ второй отдѣлъ разсматриваемой главы, стр. 135—145), то собранныя авторомъ данныя сводятся къ тому, что лично сеньеры довольно рѣдко навязывали свою волю избирателямъ, а чаще предлагали имъ свои услуги и били на популярность. Вообще, говоритъ г. А. Ону, „съ какой стороны ни посмотрѣть на роль дворянства во время выборовъ, несомнѣнно, что избирательная борьба въ деревняхъ велась не столько съ личностью помѣщика (все равно, дворянинъ ли онъ, или разночинецъ), не столько съ дворянскимъ сословіемъ, сколько съ безличнымъ сеньеріальнымъ строемъ, съ безличными, но цѣпкими остатками сеньеріальной старины“ (стр. 144). Замѣтимъ, что, вопреки брошенному здѣсь вскользь, между скобокъ, замѣчанію о наличности сеньеровъ-не-дворянъ, авторъ все время говоритъ въ дѣйствительности не о сеньерахъ вообще, а именно о сеньерахъ-дворянахъ. Подобное подстановленіе *partis pro toto*—явленіе довольно обычное въ литературѣ по исторіи стараго порядка во Франціи; тѣмъ досаднѣе, что этотъ промахъ повторяется нашимъ авторомъ вовсе не по незнанію, а просто по невнимательности.

Далѣе г. А. Ону приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ „репрессалій послѣ выборовъ“ (такъ озаглавленъ третій отдѣлъ разбираемой главы, стр. 145—149), въ чемъ совершенно вѣрно видитъ косвенное дока-

зательство наличности давленія на избирателей въ приходахъ. Благоприятную почву для такого давленія давалъ установленный избирательнымъ закономъ порядокъ открытой подачи голосовъ въ приходскихъ собраніяхъ; этому вопросу посвященъ четвертый отдѣлъ разсматриваемой главы (стр. 149—152). Слѣдующіе и послѣдніе два отдѣла, болѣе обширные, посвящены характеристикѣ „настроенія народа“ (стр. 152—176) и „избирательной борьбы въ первичныхъ собраніяхъ“ (стр. 177—202). Настроеніе народа рисуется авторомъ, какъ „спокойствіе передъ бурей“, характеризующееся „унылою забитостью, косностью и недовѣріемъ крестьянской массы къ новшествамъ, опасеніями, что созывъ генеральныхъ штатовъ послужитъ лишь сигналомъ къ новому увеличенію налоговъ“. На почвѣ той нервной приподнятости, которая была вызвана связанными съ выборами въ генеральные штаты надеждами и опасеніями, происходятъ во многихъ мѣстахъ мелкіе бунты. Одинъ изъ такихъ, бунтъ въ деревнѣ Шату, около Парижа, подробно описывается авторомъ въ качествѣ типическаго примѣра. Эта часть главы вноситъ нѣсколько новыхъ штриховъ въ уже извѣстную, со времени Тэна, картину. Къ сожалѣнію, авторъ произвольно сузилъ свою задачу, ограничивши и въ данномъ случаѣ народъ однимъ крестьянствомъ. О настроеніи другихъ слоевъ французскаго народа, и въ частности—городскаго населенія въ это время, г. А. Ону ничего не говоритъ. Тѣмъ же произвольнымъ суженіемъ намѣченной задачи страдаетъ и слѣдующій (послѣдній) отдѣлъ главы—объ избирательной борьбѣ въ приходахъ. И здѣсь авторъ ограничиваетъ свое поле зрѣнія почти исключительно деревенскими приходами, лишь изрѣдка и мимоходомъ заглядывая въ мѣстечки полу-городскаго, полу-деревенскаго характера, но систематически обходя сколько-нибудь значительные города. Пробѣлъ этотъ тѣмъ болѣе серьезень, что городскіе выборы могли бы дать особенно богатый и благодарный матеріалъ для рисуемой авторомъ картины избирательной борьбы, въ особенности же той „борьбы партій“, которой авторъ посвящаетъ вторую и большую часть разсматриваемаго отдѣла (стр. 182—202). Строго говоря, вѣдь о борьбѣ партій въ собственномъ смыслѣ и можно было бы говорить только по отношенію къ городскимъ выборамъ, а для той борьбы мелкихъ кружковъ и не менѣе мелкихъ личныхъ честолюбій въ деревенскихъ избирательныхъ собраніяхъ, многочисленными примѣрами которыхъ наполненъ параграфъ, озаглавленный „Борьба партій“, это послѣднее выраженіе черезчуръ громко и не совсѣмъ точно.

IV.

Слѣдующая, третья глава носить заглавіе: „Первичныя собранія приходовъ“ (стр. 203—276). Собственно говоря, съ этого слѣдовало бы начать. Какъ бы то ни было, разъ авторъ написалъ главу, которую снабдилъ сейчасъ приведеннымъ заглавіемъ, то читатель, казалось бы, въ правѣ надѣяться найти въ ней болѣе или менѣе ясную и законченную картину того, что представляли собою эти первичныя собранія приходовъ, эта „клѣтчатка выборовъ“, по собственному выраженію автора (стр. 112). Такую картину, однако, напрасно сталъ бы искать читатель въ означенной главѣ, которая, въ сущности, представляетъ собою не что иное, какъ длинное, растянувшееся на 74 страницы примѣчаніе къ той главѣ, для которой авторъ написалъ приведенное заглавіе, а текста главы не успѣлъ изготавить... за исключеніемъ лишь обширнаго примѣчанія къ нему. Говоря другими словами, разсматриваемая глава, по характеру своего содержанія, есть не что иное, какъ экскурсъ, посвященный одному спеціальному вопросу, связанному съ приходскими собраніями, именно — вопросу о томъ, насколько успѣшно они состоялись. Въ нѣсколько иной, и прежде всего—гораздо болѣе сокращенной редакціи этотъ экскурсъ могъ бы съ бѣльшимъ удобствомъ составить часть той главы, которую авторъ, повидимому, собирался (и долженъ былъ) написать, но почему-то не написалъ, — главы о первичныхъ собраніяхъ. Кромѣ того, собранный г. А. Ону интересный матеріалъ можно было бы съ успѣхомъ использовать въ предѣлахъ гораздо болѣе скромнаго количества страницъ. Хотя собранныя здѣсь авторомъ данныя и недостаточны для окончательнаго и исчерпывающаго, въ статистическомъ смыслѣ, рѣшенія вопроса объ успѣшности приходскихъ собраній, но они во всякомъ случаѣ достаточны для установленія факта значительной успѣшности послѣднихъ.

Разсматриваемая глава-экскурсъ интересна еще въ методологическомъ отношеніи тѣмъ, впервые установленнымъ г. А. Ону обстоятельствомъ, что протоколы окружныхъ собраній, несмотря на свой офіціальныи и публичный характеръ, не являются безусловно достовернымъ свидѣтелемъ въ данномъ вопросѣ. Дѣло въ томъ, что, при спорности территоріальныхъ границъ бальяжей и сенешальствъ (являвшихся избирательными округами), многіе приходы оказались занесенными одновременно въ два окружныхъ списка; результатомъ этого было то, что такіе приходы, въ случаѣ явки (то есть посылки депу-

татовъ) въ одинъ изъ округовъ, попадали въ списокъ неявившихся въ другомъ округѣ, въ случаѣ же неявки фигурировали въ числѣ неявившихся въ двойномъ числѣ. „Независимо отъ интересовъ юрисдикціи, къ раздуванію числа défauts побуждало также соперничество между главными и второстепенными округами. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ главному бальяжу были подчинены еще второстепенные округа, предварительныя собранія главнаго и второстепеннаго округовъ сливались въ окончательное общее собраніе главнаго округа для редакціи окончательнаго наказа, а также для выборовъ депутатовъ въ Версаль. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, каждый округъ стремился ввести въ общее собраніе возможно большее число представителей, чтобы обезпечить вліяніе руководящихъ взглядамъ своимъ“ (стр. 238 — 239). Благодаря всему этому, „протоколы округовъ косвенно превращаются въ тенденціозный обвинительный актъ противъ деревенской Франціи“ (стр. 237). „Историки же, принимавшіе доселѣ эти свѣдѣнія безъ всякой провѣрки, совершенно напрасно зывали къ смягчающимъ обстоятельствомъ или, наоборотъ, произносили суровые приговоры избирателямъ“ (стр. 245). Болѣе обстоятельно останавливается г. А. Ону на Шассенѣ, лишній разъ разоблачая всю диллетантскую и тенденціозную легковѣсность этого историка-публициста.

V.

Четвертая глава, самая обширная по своему объему и самая важная по своему содержанію, посвящена, какъ гласитъ заглавіе, „составленію первичныхъ наказовъ и степени сознательности избирателей“ (стр. 277—439).

Замѣтимъ прежде всего, что и здѣсь авторъ продолжаетъ оставаться вѣрнымъ стѣпенному въ предыдущей главѣ произвольному суженію поставленной имъ себѣ задачи. Вопреки послѣдней, и наперекоръ заглавію, рѣчь идетъ въ разсматриваемой главѣ не о первичныхъ наказахъ вообще, а только о крестьянскихъ.

Г. А. Ону начинаетъ съ изученія вліянія избирательной пропаганды (отдѣлъ первый, стр. 278 — 299), осуществлявшейся въ ту пору, вслѣдствіе слабаго развитія періодической прессы, главнымъ образомъ въ формѣ брошюръ и листовъ. Не можемъ, однако, согласиться съ мнѣніемъ автора, будто „огромная брошюрная литература конца XVIII в. изучена, хотя и не исчерпывающимъ образомъ, но весьма основательно“ (стр. 278); „основательность“ эта возбуждаетъ тѣмъ болѣе основательныя сомнѣнія, что „изученіемъ“ этого матеріала,

и притомъ очень поверхностнымъ, занимались главнымъ образомъ историки-публицисты въ родѣ Шассена. Нельзя сказать, чтобы въ должной мѣрѣ использовалъ этотъ матеріалъ и г. А. Ону, что, впрочемъ, мы не думаемъ ставить ему въ особую вину, какъ потому, что дѣйствительно „основательное“ изученіе сохранившейся отъ 1789 г. брошюрной литературы представляло бы особый и при томъ огромный трудъ, такъ еще и потому, что для поставленной авторомъ себѣ задачи—выясненія вопроса о наличности вліянія брошюрной прессы на составленіе наказовъ, при настоящемъ состояніи научной разработки этого матеріала, можно считать вполне достаточнымъ то, что авторъ сдѣлалъ, а именно—онъ собралъ значительное количество надежныхъ свидѣтельствъ, которыми вполне устанавливается фактъ вліянія брошюрной прессы на указы. Конечно, было бы интересно установить детальнымъ образомъ какъ степень, такъ и характеръ этого вліянія, но вѣдь нельзя же требовать отъ одного человѣка, чтобы онъ сдѣлалъ дѣло, которое потребуетъ, вѣроятно, соединенныхъ усилий цѣлыхъ десятковъ изслѣдователей. Во всякомъ случаѣ, исчерпывающее рѣшеніе отмѣченнаго вопроса въ настоящую пору было бы невозможно уже потому, что, какъ было замѣчено, и сами-то указы далеко еще не всѣ приведены въ извѣстность.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ разсматриваемой главы авторъ подвергаетъ детальному изслѣдованію интересный, но до сихъ поръ мало разработанный вопросъ о составителяхъ приходскихъ (крестьянскихъ) наказовъ. Собранный авторомъ по этому вопросу богатый матеріалъ въ общемъ подтверждаетъ установившееся ранѣе гипотетически мнѣніе о преобладающей роли судейскихъ въ этомъ дѣлѣ. Судейскіе, въ рукахъ которыхъ фактически находилось, какъ уже было ранѣе отмѣчено, все дѣло выборовъ, естественно, сдѣлались и главными руководителями въ дѣлѣ составленія наказовъ среди малограмотнаго крестьянскаго населенія. „Мѣстами шла даже прямая фабрикація наказовъ, организованная на широкую ногу“ (стр. 303). Что касается характера этого вліянія судейскихъ, то, говоритъ авторъ, „въ смыслѣ политическомъ судейскіе держались въ общихъ чертахъ одного направленія, соответствующаго либеральнымъ вѣяніямъ, охватившимъ въ ту минуту всю Францію... Но въ социальномъ отношеніи члены этого сословія были представителями трехъ различныхъ программъ и осуществляли ихъ тремя различными путями. Изъ нихъ охранительная проводилась главнымъ образомъ посредствомъ прямого или косвеннаго давленія, крайняя демократическая программа доходила до народа

через агитацію и пропаганду, наконецъ средняя программа умѣренной буржуазіи импонировала народу авторитетомъ главныхъ органовъ судебной власти по округамъ“. Но „помимо различія въ жизненномъ укладѣ, въ профессиональных интересахъ и предразсудкахъ различныхъ представителей этой профессіи, между членами одной и той же группы была иногда цѣлая пропасть, въ зависимости отъ личныхъ особенностей... Мысли однихъ вращались около служенія пользамъ государства и народа, другіе имѣли въ виду прежде всего свои личные, корпоративные, сословные интересы и мѣстные предразсудки, третьи изъ честолюбія и жажды отличія бросались въ то направленіе, на которое былъ въ данной мѣстности наибольшій спросъ“ (стр. 310—311). Замѣтимъ, что въ этой въ общемъ не возбуждающей возраженій характеристикѣ авторъ забылъ упомянуть объ одномъ очень важномъ обстоятельстве, во многомъ объясняющемъ поведеніе окружающихъ лейтенантовъ, а именно—о томъ, что эти послѣдніе почти всегда были сеньерами, слѣдовательно людьми заинтересованными матеріально въ сохраненіи сенеріальныхъ правъ, составлявшихъ самую чувствительную болячку на тѣлѣ крестьянства.

Изъ другихъ лицъ, кромѣ судейскихъ, первое мѣсто въ качествѣ редакторовъ наказовъ занимаютъ приходскіе священники. Благодаря своему близкому повседневному соприкосновенію съ крестьянствомъ, священники, въ качествѣ редакторовъ наказовъ, являлись, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе вѣрными истолкователями сѣтованій и чаяній крестьянства.

Какъ бы то ни было, благодаря содѣйствію образованныхъ людей въ дѣлѣ составленія наказовъ, послѣдніе „получили болѣе или менѣе грамотную форму, но зато потеряли прелесть полной непосредственности и свѣжести“ (стр. 334). Интеллигентные составители наказовъ, даже изъ числа искреннихъ народолюбцевъ, „въ большинствѣ случаевъ не сумѣли и не захотѣли стать въ рѣшающую историческую минуту созыва первичныхъ собраній простой чувствительной пластинкой, отражающей въ наказахъ, какъ въ зеркалѣ, ту многозначительную внутреннюю работу, которая совершалась тогда въ головахъ и сердцахъ многотысячной толпы народной. Это возбужденіе и эти надежды проходили въ первичныхъ наказахъ сквозь призму міросозерцанія (а иногда и интересовъ) редакторовъ и преломлялись въ нихъ такъ, что подчасъ невозможно распознать подъ политической фразеологіей вѣка настоящія мысли и подлинныя чувства тѣхъ самыхъ избирателей, отъ имени которыхъ указы составлены... Вотъ почему

приходится искать народныя черты въ наказахъ, какъ золотой песокъ среди постороннихъ примѣсей“ (стр. 351—352).

Цѣнность наказовъ, какъ историческаго источника, въ значительной степени пострадала также отъ спѣшности ихъ составленія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ приходскіе избиратели располагали для производства всѣхъ связанныхъ съ выборами операцій срокомъ въ какихъ-нибудь два-три дня. Этой сторонѣ дѣла, которая до сихъ поръ лишь вскользь затрогивалась нѣкоторыми историками, г. А. Ону посвящаетъ четвертый отдѣлъ разбираемой главы. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ разбирается вліяніе образцовъ (стр. 362 — 372). Наконецъ, два послѣднихъ отдѣла главы, шестой и седьмой, самые обширныя по своимъ размѣрамъ, посвящены подробному разбору вопроса о „степени сознательности избирателей въ составленіи наказовъ“ (таково заглавіе шестого отдѣла, стр. 372 — 401). Здѣсь авторъ подробно останавливается на различныхъ ходячихъ мнѣніяхъ, господствующихъ въ исторической литературѣ, и подвергаетъ ихъ безпощадной, но вполне основательной и справедливой критикѣ, разоблачая всю ихъ предвзятость и беспочвенность. Этотъ отдѣлъ разсматриваемой главы принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ во всей книгѣ. Общій выводъ автора тотъ, что „крестьянское зерно сельскихъ наказовъ засорено множествомъ постороннихъ примѣсей, а во многихъ случаяхъ этого зерна нѣтъ и въ поминѣ“. Хотя исчерпывающее въ статистическомъ смыслѣ рѣшеніе этого вопроса пока невозможно, такъ какъ много еще остается наказовъ, не приведенныхъ въ извѣстность, но уже и теперь остается несомнѣннымъ, что „засоренность народнаго зерна во всякомъ случаѣ очень велика“. „Для того, чтобы будущіе историки могли правильно приступить къ очисткѣ народнаго или, точнѣе, крестьянскаго зерна, необходимо научиться различать сѣмя отъ плевеловъ, а не сбрасывать ихъ въ одну кучу, прикрывая слабость метода панегирикомъ, общими мѣстами и слѣпымъ преклоненіемъ передъ безсмертной народной святыней“ (стр. 400). Однимъ изъ отрицательныхъ условій, съ точки зрѣнія сознательности избирателей-крестьянъ, являлся низкій уровень крестьянской грамотности, осложнившійся вдобавокъ во многихъ окраинныхъ областяхъ незнаціемъ французскаго языка, служившаго официальнымъ языкомъ наказовъ. Авторъ посвящаетъ выясненію этой стороны дѣла послѣдній и самый обширный отдѣлъ разсматриваемой главы (седьмой, стр. 401—439), нѣсколько нарушающій своими размѣрами экономію послѣдней, тѣмъ болѣе, что, по характеру разрабатываемой въ немъ темы, онъ представляетъ со-

бою, въ сущности, лишь пространное примѣчаніе къ предыдущей главѣ (о сознательности избирателей).

VI.

Глава пятая, озаглавленная „Достовѣрность первичныхъ наказовъ“ (стр. 440—557), представляетъ, по характеру своего содержанія, заключеніе книги г. А. Ону, за исключеніемъ перваго отдѣла названной главы („Наказы, какъ историческій источникъ“), которому было бы болѣе подходящее мѣсто во введеніи. Что касается шестой и послѣдней главы, то, какъ потомъ увидимъ, по содержанію своему она должна была бы войти въ составъ предшествующей главы, и если она выдѣлена авторомъ въ особую главу, то, повидимому, лишь въ виду ея объемистости. Впрочемъ, не будемъ настаивать на дефектахъ архитектоники и обратимся къ содержанію двухъ послѣднихъ главъ.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній (которымъ, какъ мы замѣтили, было бы болѣе подходящее мѣсто во введеніи) о недостаточной разработкѣ наказовъ 1789 г., какъ историческаго памятника, о малодоступности значительной ихъ части, о неудовлетворительности большинства изданій наказовъ и необходимости самой мелочной и кропотливой критики послѣднихъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о достовѣрности наказовъ, какъ историческаго источника (достовѣрности какъ субъективной, такъ и объективной). Для оцѣнки объективной или фактической достовѣрности, какъ совершенно правильно замѣчаетъ г. А. Ону, не слѣдуетъ прежде всего забывать, что „наказы 1789 г. представляютъ, въ своей совокупности, общій обвинительный актъ или массовую жалобу на нестроенія старой жизни“ (стр. 449). Къ сожалѣнію, уже на слѣдующей страницѣ авторъ самъ забываетъ это свое мудрое предупрежденіе и считаетъ нужнымъ ополчиться противъ „давнымъ давно выдвинутаго противъ наказовъ обвиненія—въ систематическомъ сгущеніи красокъ нужды, и это обвиненіе опровергнуто не было“ (стр. 450). Но вѣдь „сгущеніе красокъ“ есть неизбѣжное свойство обвинительнаго акта, имѣющаго всегда въ виду не всестороннюю картину извѣстныхъ событій, а лишь одну ихъ сторону. То же самое и наказы 1789 г. Въ нихъ, какъ въ обвинительномъ актѣ, сконцентрированы всѣ отрицательныя, тѣневыя стороны „старога порядка“, и принимать этотъ безусловно односторонній и тенденціозный рисунокъ за всестороннюю и объективную картину старой Франціи (какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Эдмъ Шампюнь въ своей „Франціи въ 1789 г. по наказамъ“) было бы вопіющимъ недоразу-

мѣніемъ, противъ котораго справедливо предостерегаетъ г. А. Ону на одной страницѣ и въ которое изъясляетъ сознательную готовность впасть на слѣдующей.

Что касается, въ частности, спеціально интересующаго г. А. Ону вопроса о субъективной достовѣрности наказовъ (замѣтимъ, что дѣло идетъ опять-таки исключительно о крестьянскихъ наказахъ), т. е. вопроса о соотвѣтствіи наказовъ настроенію и пожеланіямъ избирателей-крестьянъ, то, основываясь на вполне вѣрномъ наблюдении, что господствующей нотой этого настроенія наканунѣ революціи было отрицательное отношеніе крестьянства къ сенъеріальному режиму, авторъ дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что рѣшающимъ критеріемъ субъективной достовѣрности этой категоріи наказовъ является наличность въ нихъ „классовой ненависти“ къ сенъерамъ; „напротивъ, тѣ немногіе наказы, въ которыхъ пробивается панегирическая нота, противорѣчатъ всей обстановкѣ избирательной борьбы и позднѣйшимъ событіямъ, а потому подлежатъ оставленію въ сильнѣйшемъ подозрѣніи“ (стр. 468). Приведенное разсужденіе автора вызываетъ нѣсколько замѣчаній. Во-первыхъ, между ненавистью и панегирикомъ, о которомъ онъ говоритъ, мыслима цѣлая гамма промежуточныхъ настроеній, и какъ же быть тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ послѣднихъ? Наконецъ, возможенъ (и онъ нрѣдкомъ) случай совершеннаго умолчанія о сенъеріальномъ режимѣ въ наказахъ; какъ тутъ быть? Отвѣта на эти вопросы не находимъ у г. А. Ону. Но главное—то, что авторъ забываетъ въ данномъ случаѣ имъ же самимъ неоднократно высказываемое предостереженіе противъ огульныхъ заключеній и обобщеній во всемъ, что касается старой Франціи съ ея поразительной пестротой мѣстныхъ особенностей правовыхъ и бытовыхъ. Къ тому же, какъ въ другомъ мѣстѣ признаетъ и самъ г. А. Ону, „классовая борьба между помѣщиками и крестьянами не исключала возможности иногда сносныхъ и даже прекрасныхъ между ними отношеній“ (стр. 523, „но только не въ видѣ общаго правила“, прибавляетъ авторъ). Авторъ даже приводитъ въ другомъ мѣстѣ одинъ, несомнѣнно, крестьянскій наказъ, въ которомъ говорится о сенъерѣ въ тонѣ панегирика, и замѣчаетъ: „Несмотря на приторно-панегерическій тонъ всего наказа, приведенный отрывокъ представляетъ извѣстную цѣнность, какъ изображеніе пережитковъ патріархальныхъ отношеній, сохранившейся связи помѣщиковъ съ крестьянами въ Вандеѣ“ (стр. 446). Между тѣмъ, согласно приведенному выше огульному заключенію, этотъ

наказъ подлежалъ бы „оставленію въ сильнѣйшемъ подозрѣніи“, употребляя собственныя слова автора.

Въ дальнѣйшемъ г. А. Ону подвергаетъ обстоятельному разбору существующіе въ новѣйшей литературѣ взгляды на наказы, съ точки зрѣнія ихъ достовѣрности, какъ историческаго источника. Нельзя не пожалѣть, что вниманіе автора раздѣлено далеко не равномерно между хвалителями и хулителями наказовъ. Въ то время, какъ главному хулителю, нѣмецкому проф. Валю, посвящено цѣлыхъ 39 стр., всѣмъ хвалителямъ вмѣстѣ удѣлено лишь неполныхъ восемь страницъ. Бросается при этомъ въ глаза и рѣшительное различіе тона—спокойнаго, почти благодушнаго, когда авторъ критикуетъ хвалителей наказовъ, и рѣзкаго, мѣстами запальчиваго по отношенію къ хулителю Валю. Въ общемъ и по существу критику г. А. Ону нельзя не признать основательной и правильной въ обоихъ случаяхъ, но она выиграла бы много, если бы была болѣе обстоятельной въ одномъ случаѣ (по отношенію къ хвалителямъ) и менѣе рѣзкою въ другомъ (по отношенію къ проф. Валю). По отношенію къ послѣднему г. А. Ону, кромѣ того, и не совсѣмъ справедливъ, такъ какъ свой критическій таранъ направляетъ противъ взглядовъ, зачастую, дѣйствительно, крайне одностороннихъ и незрѣлыхъ, но высказанныхъ нѣмецкимъ ученымъ въ его болѣе раннихъ произведеніяхъ и значительно смягченныхъ въ его позднѣйшемъ и болѣе зрѣломъ трудѣ (*Vorgeschichte der franz. Revolution*, Tübingen, 1905), который оставляется г. А. Ону безъ должнаго вниманія.

Пятый и послѣдній отдѣлъ разбираемой главы посвященъ вопросу о „научномъ критеріи субъективной достовѣрности наказовъ“ (стр. 512—557). Замѣтимъ, что фактически рѣчь идетъ опять-таки только о крестьянскихъ наказахъ, и такимъ образомъ, формулированный въ заглавіи вопросъ сводится, въ сущности, къ слѣдующему: по какимъ признакамъ можно установить, что тотъ или другой сельскій наказъ дѣйствительно выражаетъ настроеніе и пожеланія тѣхъ избирателей-крестьянъ, отъ имени которыхъ онъ составленъ. По важности затронутыхъ здѣсь вопросовъ, это одинъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ всей книги. Тѣмъ болѣе жаль, что изложенію автора не достаетъ отчетливости и ясности, чему немало способствуетъ неопредѣленность и сбивчивость его терминологіи. Такъ, авторъ начинаетъ съ указанія на двоякій критерій субъективной достовѣрности: положительный и отрицательный, и вслѣдъ затѣмъ вдругъ начинаетъ говорить уже не о *критеріяхъ*, а о двухъ *методахъ*—положительномъ

и отрицательномъ, хотя въ дѣйствительности рѣчь идетъ вовсе не о методахъ, а именно о критеріяхъ, но все-таки не о тѣхъ двухъ критеріяхъ, положительномъ и отрицательномъ, которые значатся на вывѣскѣ, а о критеріяхъ, которые можно было бы назвать формальнымъ и реальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ различаетъ двѣ категории признаковъ, по которымъ можно отличать достовѣрный (въ субъективномъ смыслѣ) наказъ отъ недостовѣрнаго. Первая категория связана съ внѣшними признаками наказа: языкомъ, стилемъ, тономъ, орѳографіею, наконецъ—почеркомъ, если наказъ доступенъ изслѣдованію въ подлинникѣ. Этотъ критерій, которому авторъ не даетъ никакого наименованія, но который можно было бы назвать *формальнымъ*, является наиболѣе доступнымъ и нагляднымъ, но въ то же время и наименѣе надежнымъ. Г. А. Ону съ успѣхомъ доказываетъ, что, съ одной стороны, малограмотность того или другого наказа еще не доказываетъ сама по себѣ его простонароднаго происхожденія, а съ другой стороны, наказъ, вполнѣ литературный и даже княжнй по формѣ, можетъ вполнѣ вѣрно выражать настроеніе и нужды малограмотныхъ избирателей. Гораздо надежнѣе другой критерій, основанный на анализѣ содержанія,—критерій, который, въ противоположность *формальному*, можно было бы назвать *реальнымъ*. Въ составъ этого критерія г. А. Ону включаетъ слѣдующіе признаки: конкретность содержанія наказовъ, ихъ близость къ житейскому обиходу крестьянства, наконецъ—соотвѣтствіе ихъ содержанія тому, что было до ихъ составленія, и тому, что произошло потомъ. Съ этой точки зрѣнія, „достовѣрны и цѣльны тѣ наказы, содержаніе которыхъ способно объяснить событія, происходившія позднѣе ихъ составленія, и тѣ наказы, содержаніе которыхъ не противорѣчитъ тому, что происходило во Франціи до ихъ составленія“ (стр. 550).

VII.

Дальнѣйшему развитію и обоснованію этого положенія и посвящена, какъ уже было замѣчено, шестая и послѣдняя глава, носящая довольно неопредѣленное по своей необъятности заглавіе: „Содержаніе наказовъ“ (стр. 558—690). Этой, въ сущности, дѣйствительно необъятной темѣ слѣдовало бы, въ соотвѣтствіи съ поставленной себѣ авторомъ задачей, придать болѣе опредѣленную и болѣе специальную формулировку. Вѣдь ему важно было лишь развить и обосновать свою вполнѣ правильную и плодотворную мысль о „содержаніи крестьянскихъ наказовъ, какъ важнѣйшемъ критеріи ихъ субъективной

достоверности“: такъ именно и могла бы быть озаглавливаема разсматриваемая глава. При такой суженной, но все же очень широкой постановкѣ темы авторъ могъ бы болѣе обстоятельно разработать ее вглубь, избѣжавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, той туманной расплывчатости и того блужданія безъ руля и безъ вѣтриль вокругъ да около основного вопроса, которыми такъ досадно испорчена эта, въ сущности, очень интересная и вдобавокъ заключительная глава. Вообще, эта послѣдняя глава носить какой-то эскизный, незаконченный характеръ и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ остальная книга, страдаетъ архитектурными дефектами. Начать съ того, что все многообразное содержаніе наказовъ авторъ распредѣляетъ по двумъ рубрикамъ— требованія политическія и требованія хозяйственныя,—не объясняя, почему имъ оставлены совершенно въ сторонѣ тѣ элементы содержанія наказовъ, которые не укладываются въ двѣ означенныя рубрики. Замѣтимъ, что въ этой послѣдней главѣ авторъ вспоминаетъ о забытыхъ въ предыдущихъ главахъ окружныхъ наказахъ, а также о приходскихъ не-крестьянскихъ. Отдѣлъ о политическихъ требованіяхъ (стр. 566—625) можно было бы съ успѣхомъ сократить на тѣ два десятка страницъ, что заняты вводными замѣчаніями и параграфомъ о „политической тактикѣ руководящихъ слоевъ“ (стр. 569—586): первая—въ сущности повтореніе того, что было высказано авторомъ ранѣе въ разныхъ мѣстахъ книги, а послѣдній развиваетъ болѣе подробно тоже неоднократно ранѣе высказываемую авторомъ мысль о „политической тактикѣ руководящихъ слоевъ“. „Руководящіе слои“, которые авторъ называетъ иначе то буржуазіей, то интеллигенціей, выдвигали въ наказахъ на первый планъ политическія (либеральныя) требованія и замалчивали, либо затушевывали требованія социальныя, крестьянскія, направленныя противъ феодальнаго режима. По мнѣнію г. А. Ону, „руководители общественнаго движенія въ 1789 г.“ дѣйствовали такъ изъ тактическихъ соображеній: они замалчивали социальныя требованія крестьянства, чтобы не вносить разлада въ общественныя силы, единодушіе которыхъ было необходимо для осуществленія политическихъ требованій, занимавшихъ первое мѣсто въ стремленіяхъ „руководящихъ слоевъ“. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ авторъ невольно поддался внушеніямъ окружающей его современности, особенно той недавней русской современности, съ которой совпала его работа въ ея послѣднихъ частяхъ, и которая была, такъ сказать, насыщена *тактикоманіей*. Что идея „тактики“, въ родѣ той, которую г. А. Ону приписываетъ „руководителямъ обще-

ственного движенія въ 1789 г.“, была не чужда отдѣльнымъ лицамъ, въ родѣ Сіеса,—отъ этого еще далеко до того, чтобы имѣть право говорить о ней, какъ о руководящемъ лозунгѣ тогдашнихъ „руководящихъ слоевъ“. Кромѣ апіорныхъ соображеній, основанныхъ на политической психологіи нашей современности, для такого заключенія нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Существующія же данныя совершенно просто объясняютъ дѣло. Объясняется оно традиціонной отчужденностью городского, образованнаго класса отъ крестьянства во Франціи; печать этой отчужденности лежала и на французской литературѣ и публицистикѣ старой Франціи, какъ она продолжаетъ лежать и на современной французской литературѣ и публицистикѣ. Крестьянами просто не интересовались и потому очень мало знали о ихъ нуждахъ и желаніяхъ. Интересное въ этомъ отношеніи признаніе находимъ въ самой же книгѣ г. Ону. На стр. 649 онъ приводитъ заявленіе членовъ комиссіи, избранной Немурскимъ окружнымъ собраніемъ для составленія своднаго наказа. Пересмотрѣвъ первичные наказы, они были поражены и „признаются откровенно“, что почерпнули тамъ „свѣдѣнія о большомъ числѣ золь, злоупотребленій и несправедливостей, о которыхъ они до сего дня не думали“. Въ главѣ объ одной изъ основныхъ сенъеріальныхъ повинностей они считаютъ нужнымъ войти въ обстоятельныя объясненія, „такъ какъ читатель съ трудомъ пойметъ и съ трудомъ повѣритъ“ той поразительной картинѣ феодальнаго обложенія, которая здѣсь представлена. Что касается окружныхъ лейтенантовъ, тенденцію которыхъ къ затушеванію социальнаго вопроса авторъ склоненъ приписывать все той же „тактикѣ“, то въ дѣйствительности ихъ поведеніе объясняется гораздо проще: вѣдь лейтенанты, за единичными исключеніями, были сами сенъерами, слѣдовательно лицами, заинтересованными въ сохраненіи сенъеріальнаго режима, а слѣдовательно и въ затушеваніи крестьянскихъ жалобъ противъ него. Справедливость требуетъ сказать, что г. А. Ону и самъ смотритъ на свою мысль о „тактикѣ“, „болѣе какъ на гипотезу, чѣмъ какъ на окончательное и неопровержимое заключеніе“ (стр. 572). Вдумчивое отношеніе автора къ изучаемой эпохѣ и его стремленіе отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ возрѣній—порукой тому, что по зрѣломъ размысленіи онъ и самъ откажется отъ этой своей „гипотезы“.

Второй и болѣе обширный параграфъ разсматриваемаго отдѣла послѣдней главы посвященъ, какъ гласитъ его заглавіе, „политическимъ наказамъ“ (было бы лучше сказать: „политическимъ требова-

ніямъ наказовъ“). Имѣются здѣсь въ виду опять-таки главнымъ образомъ первичные приходскіе, а изъ приходскихъ — крестьянскіе указы, хотя говорится мимоходомъ и объ окружныхъ. Тема, безспорно, интересная, но остается неяснымъ, какое отношеніе имѣетъ она къ поставленной себѣ авторомъ задачѣ: выяснитъ значеніе тѣхъ или другихъ элементовъ содержанія приходскихъ наказовъ, какъ критерія ихъ субъективной достовѣрности. Аналогичное замѣчаніе, *mutatis mutandis*, относится также къ третьему и послѣднему отдѣлу разсматриваемой главы, озаглавленному: „Аграрный вопросъ и народное хозяйство“ (стр. 625—690). Замѣтимъ, что въ текстѣ этотъ отдѣлъ ошибочно (очевидно, опечатка) значится вторымъ, а въ оглавленіи (правильно)—третьимъ. Этотъ отдѣлъ, безспорно, самая интересная часть послѣдней главы. Авторъ совершенно правъ, удѣляя особенное вниманіе тому, что онъ не совѣмъ правильно называетъ *аграрнымъ вопросомъ*, и подчеркивая его значеніе какъ въ исторіи избирательной борьбы 1789 г., такъ и въ исторіи всей революціонной эпохи. Только было бы правильнѣе говорить не объ аграрномъ, а о социальномъ вопросѣ, пояснивъ, что дѣло идетъ о социальныхъ отношеніяхъ, создавшихся на почвѣ сеньеріальнаго режима. Вѣдь послѣдній не исчерпывался одними хозяйственно-поземельными отношеніями, и подставлять терминъ „аграрный“ вмѣсто „сеньеріальный“ (или, скажемъ, — „социально-сеньеріальный“) значитъ совершенно произвольно суживать вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — модернизировать его, то есть вводить въ рамки современныхъ представлений. Между тѣмъ, съ своей стороны, авторъ не только не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ съ цѣлью предостеречь читателя отъ перенесенія современныхъ представлений на изучаемую дѣйствительность прошлаго, но различными поясненіями прямо толкаетъ читателя на эту скользкую площадь. Такъ, на стр. 638 онъ говоритъ о „земельномъ голодѣ“, какъ объ „основной пружинѣ, опредѣлившей отношеніе французскаго крестьянства къ революціи“. Но вѣдь „земельный голодъ“, это понятіе, навѣянное публицистикой, только не французской и не восемнадцатаго вѣка, а болѣе близкой къ автору, совершенно не годится для характеристики того чувства, которое обуревало французскаго крестьянина въ 1789 г. Тамъ вѣдь дѣло шло не о „безземельѣ“ или „малоземельѣ“ и о „надѣлѣ“ крестьянъ землей (идея опять-таки совершенно не французскаго обихода и не XVIII вѣка), а объ освобожденіи крестьянской земли отъ связывавшихъ ее путъ сеньеріальнаго режима, — путъ, которыя къ тому же не ограничивались одними хозяйственно-поземельными отноше-

ніями. Нѣтъ, не „земельный голодъ“, а *ненависть къ сенъеріальному режиму* (а это далеко не одно и то же)—вотъ что составляло основную ноту соціального настроенія французскаго крестьянства наканунѣ революціи. Въ этомъ смыслѣ соціально-сенъеріальный вопросъ можно было бы назвать (какъ это изрѣдка и дѣлаетъ г. А. Ону) крестьянскимъ вопросомъ (но отнюдь не аграрнымъ), сдѣлавши, конечно, соответствующую оговорку о нѣкоторой неточности этого послѣдняго выраженія. Неточность же эта заключается въ томъ (недостаточно подчеркнутомъ авторомъ обстоятельстве), что сенъеріальныя повинности несли на себѣ не одни лишь крестьяне, но всѣ владѣльцы „ротюрныхъ“ земель, слѣдовательно и буржуа и отчасти даже дворяне; но такъ какъ явленія этой послѣдней категоріи были количественно незначительны, то на этомъ основаніи было бы можно говорить о „крестьянскомъ вопросѣ“—въ указанномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, авторъ не дѣлаетъ этой существенной оговорки и, что составляетъ еще болѣе важный пробѣлъ, вообще не вводитъ читателя въ пониманіе того сенъеріальнаго режима, который играетъ въ его книгѣ столь видную роль. А благодаря этому пробѣлу, значительная часть какъ выводовъ автора, такъ и его аргументаціи останется непонятной читателю не-специалисту, либо, что, пожалуй, еще того хуже, будетъ имъ понята неправильно.

VIII.

Книга г. А. Ону заканчивается краткимъ заключеніемъ (стр. 691—707), состоящимъ изъ трехъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ, озаглавленный „Методы изученія наказовъ“ (стр. 692—698), былъ бы болѣе на мѣстѣ во введеніи. О методахъ, какъ мы видѣли, шла рѣчь уже раньше, въ пятой главѣ. Тамъ, какъ припомнимъ, авторъ различаетъ два метода изученія наказовъ: положительный и отрицательный. Здѣсь, въ заключеніи, г. А. Ону говоритъ уже о трехъ методахъ, которые онъ опредѣляетъ такъ. „Наказы, говоритъ онъ, можно разсматривать съ разныхъ сторонъ: 1) какъ историческое явленіе, какъ одно изъ звеньевъ переворота 1789 г., какъ послѣдствіе или орудіе политической и соціальной борьбы; 2) какъ литературный и юридическій памятникъ; 3) какъ историческій источникъ—въ отношеніи субъективной и объективной достовѣрности. Настоящая работа посвящена главнымъ образомъ послѣднему изъ этихъ вопросовъ“ (стр. 692). Легко видѣть, что слово *методы* употреблено въ заголовкѣ всеу, потому что въ дѣйствительности рѣчь идетъ о трехъ разныхъ сторо-

нахъ вопроса, или, говоря иначе, о трехъ различныхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ возможно изучать наказы. Что дѣло идетъ, дѣйствительно, о трехъ *точкахъ зрѣнія*, а не о трехъ *методахъ*, это безсознательно подтверждаетъ и самъ авторъ, заявляя нѣсколькими строками ниже: „Въ предлагаемомъ трудѣ я разбираю наказы и выборы главнымъ образомъ съ *точки зрѣнія* (курсивъ нашъ) ихъ соотвѣтствія дѣйствительному настроенію страны въ данную историческую минуту“. Однако, совершенно неожиданнымъ представляется читателю непосредственно слѣдующее за этими строками заявленіе: „Отвѣтъ въ этомъ смыслѣ получается утвердительный“. Заявленіе, дѣйствительно, неожиданное, если припомнить, что собранный авторомъ богатый матеріалъ клонился на протяженіи почти всей работы къ тому основному выводу, что въ подавляющемъ большинствѣ своемъ крестьянскіе наказы не выражали дѣйствительнаго настроенія и нуждъ избирателей-крестьянъ; что „засоренность народнаго зерна (въ этихъ наказахъ) очень велика“ (стр. 400), настолько велика, что „приходится искать народныя черты въ наказахъ, какъ золотой песокъ среди постороннихъ примѣсей“ (стр. 352). Въ концѣ послѣдней главы, правда, этотъ выводъ нѣсколько смягченъ; авторъ подчеркиваетъ субъективную достовѣрность тѣхъ крестьянскихъ наказовъ, въ которыхъ находятъ себѣ отраженіе такъ называемый имъ „аграрный вопросъ“; но изъ собранныхъ имъ данныхъ все-таки вытекаетъ, что такихъ наказовъ—меньшинство. Правда, ранѣе г. А. Ону говорилъ все о „настроеніи крестьянъ“, а въ заключеніи говоритъ о „настроеніи страны“; но эта редакціонная поправка, не разрѣшая вполнѣ недоумѣнія читателя, лишь осложняетъ послѣднее тѣмъ замысловатымъ, но мало вразумительнымъ опредѣленіемъ, которое авторъ даетъ понятію „настроеніе страны“. „Отвѣтъ, говоритъ онъ, получается утвердительный, если подъ настроеніемъ страны понимать не сумму мнѣній ариѳметическаго большинства населенія, а равнодѣйствующую дѣйствительнаго соотношенія общественныхъ силъ въ данную минуту“ (стр. 692). Совершенно непонятно, какимъ образомъ не *мнѣнія* (фактъ субъективнаго порядка), а *соотношеніе общественныхъ силъ* (фактъ порядка объективнаго) можетъ составлять *настроеніе* страны. Другое дѣло—говорить о „выборахъ, какъ отраженіи дѣйствительнаго соотношенія общественныхъ силъ“. Этимъ выраженіемъ озаглавленъ второй отдѣлъ заключенія (стр. 699—701), посвященный почти всецѣло новому развитію полюбившейся автору идеи о „тактикахъ“ руководящихъ слоевъ. Къ сожалѣнію, авторъ совершенно забылъ на этотъ разъ свою преж-

нюю мудрую оговорку относительно гипотетичности этой идеи и говорить теперь объ этой „тактикѣ“, какъ о не подлежащемъ спору фактѣ, и хвалить за нее политическихъ дѣятелей 1789 г. Эта „мудрая тактика“, по его словамъ, „оказалась наиболѣе цѣлесообразнымъ приложеніемъ силъ въ одну точку и увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ—легкимъ сверженіемъ абсолютизма, поразившимъ весь міръ своей неожиданностью и наполнившимъ своими раскатами XIX и часть XX вѣковъ“ (стр. 700).

Послѣдній отдѣлъ заключенія, озаглавленный „Смыслъ наказовъ“ (стр. 701—707), интересенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что высказываемыя здѣсь авторомъ признанія объясняютъ читателю то быющее въ глаза основное противорѣчіе, которое было нами только что отмѣчено. „Первоначально, говоритъ г. А. Ону, я былъ склоненъ къ полному отрицанію искренности наказовъ и стоялъ уже на той плоскости, по которой нѣмецкій историкъ Валь покатился въ направленіи огульнаго отрицанія“ (стр. 701). Повидимому, подъ знакомъ этого скептическаго настроенія была написана авторомъ большая часть работы, и только позднѣе, быть можетъ подъ впечатлѣніемъ устрашающаго примѣра Валя, „покатившагося по направленію огульнаго отрицанія“, авторъ рѣшилъ остановиться и вновь внимательно пересмотрѣть и передумать уже пройденный путь. Отсюда—тѣ многочисленныя оговорки, которыми, начиная съ предпослѣдней главы, авторъ старается смягчить свои прежніе отрицательные выводы и подготовить читателя къ выводу діаметрально противоположному. Но въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ эти оговорки и дополненія, основное противорѣчіе между идейнымъ курсомъ изслѣдованія и его конечнымъ выводомъ чувствуется читателемъ, оставляя въ немъ непріятное чувство какой-то идейной двойственности и логическаго разлада. Это, конечно, крупный, можно сказать—капитальный недостатокъ книги. Но, если мы взглянемъ на нее не отвлеченно, а въ связи съ той живой и дѣятельной умственной работой, работой многихъ лѣтъ, которая скрывается за семьюстами печатныхъ страницъ, то едва ли поднимется рука бросить за это камнемъ въ автора у того, кому приходилось самому переживать идейный переломъ при продолжительной работѣ надъ извѣстнымъ сложнымъ историческимъ вопросомъ,—едва ли у него поднимется рука бросить камнемъ въ автора за то, что онъ имѣлъ мужество признать прямо и открыто, лишь только въ томъ убѣдился, ошибочность взятаго ранѣе направленія и смѣло взять новый курсъ. Вѣдь въ концѣ концовъ важно не то, чтобы до конца „выдержать“ разъ взятый курсъ, а

чтобы приплыть къ цѣли плаванія. И если мы спросимъ, правъ ли былъ авторъ, измѣнивши взятый первоначально курсъ, и удалось ли ему попасть послѣ этого поворота на вѣрный путь, то отвѣтъ, какъ намъ представляется, долженъ быть благопріятный для автора. Въ томъ новомъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи, какое онъ получилъ въ послѣднемъ отдѣлѣ заключенія, основной выводъ автора резюмируется въ слѣдующихъ строкахъ: „Если въ первичныхъ наказахъ субъективно-достовернаго типа можно найти изображеніе того, чѣмъ была Франція въ январѣ 1789 г., то въ политическихъ наказахъ дается ключъ къ объясненію того, чѣмъ Франція собиралась быть и чѣмъ она стала въ дѣйствительности съ 1-го мая (5-го мая?) по 4-ое августа 1789 г.“ (стр. 703). Что касается остальныхъ наказовъ, наказовъ „книжно-политическаго типа“, которые, „потонувъ въ политикѣ, потеряли свою бытовую колоритность и фактическую цѣнность“, то они „хотя и не отражали, какъ въ зеркалѣ, всего того, что думало и чувствовало арифметическое большинство населенія Франціи въ 1789 г., но они удивительно вѣрно отражали соотношеніе общественныхъ силъ наканунѣ революціи, а также содержали въ себѣ, какъ въ фокусѣ, какъ въ зародышѣ или какъ въ символѣ, всю дальнѣйшую исторію Франціи за полтора вѣка“ (стр. 706). Если оставить въ сторонѣ красивый, но спорный афоризмъ на счетъ содержанія въ наказахъ „всей дальнѣйшей исторіи Франціи за полтора вѣка“ (да и не полтора!), да замѣнить „соотношеніе общественныхъ силъ“ другимъ, болѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ выраженіемъ (напримѣръ: „господствующія настроенія различныхъ слоевъ націи“), то мы считаемъ возможнымъ присоединиться къ этому основному выводу изслѣдованія г. А. Ону, хотя онъ, повторяемъ, и не вполне гармонируетъ съ первоначально взятымъ имъ (и по нашему мнѣнію, ошибочнымъ) курсомъ.

IX.

Разобравъ по частямъ книгу г. А. Ону, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, относящихся болѣе или менѣе ко всему сочиненію. Уже при разборѣ отдѣльныхъ главъ послѣдняго намъ приходилось неоднократно отмѣчать различные дефекты въ его построеніи: недостаточная ясность и выдержанность плана, не всегда удачное раздѣленіе матеріала и недостаточно равномѣрное его распредѣленіе, многократныя повторенія, излишнія длинноты наряду съ болѣе или менѣе крупными пробѣлами.

Приходилось также отмѣчать неясности въ изложеніи и сбивчивость терминологіи. Послѣдній изъ этихъ дефектовъ особенно богатъ отрицательными послѣдствіями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о различныхъ элементахъ соціального строя старой Франціи. Авторъ постоянно оперируетъ такими терминами, какъ „буржуазія“, „дворянство“, „интеллигенція“, совершенно не считая нужнымъ предварительно предупредить читателя, какъ онъ понимаетъ эти выраженія. Употребляетъ ли, напримѣръ, онъ слово „буржуазія“ въ современномъ его значеніи или же въ томъ, какое было ему присуще въ изучаемую эпоху? Судя по словопотребленію автора, онъ придаетъ этому выраженію современный намъ смыслъ: буржуазія, какъ *соціальный классъ* (см., напр., стр. 110, 566, 569); но въ такомъ случаѣ необходимо было пояснить (чего авторъ не дѣлаетъ), въ какомъ отношеніи эта соціальная группа находится по отношенію къ тѣмъ тремъ сословіямъ, дѣленіе на которыя все еще продолжало служить одною изъ главныхъ основъ соціальныхъ отношеній во Франціи въ XVIII в. Слѣдовало, прежде всего, во избѣжаніе довольно обычнаго недоразумѣнія, подчеркнуть, что „буржуазія“ не совпадаетъ съ „третьимъ сословіемъ“; а между тѣмъ авторъ не только не дѣлаетъ этой необходимой оговорки, но и неоднократно подаетъ читателю поводъ отождествлять въ своемъ представленіи „буржуазію“ съ „третьимъ сословіемъ“ (см., напр., стр. 27 и 35, гдѣ на протяженіи нѣсколькихъ строкъ слово „буржуазія“ употреблено взамѣнъ „третьяго сословія“ и наоборотъ). По отношенію къ дворянству слѣдовало бы пояснить, включаетъ ли авторъ въ понятіе буржуазіи одворянившихся ротюрьеровъ или нѣтъ; онъ ограничивается тѣмъ, что противопоставляетъ буржуазію дворянству,—что, однако, не совсемъ правильно, такъ какъ нельзя безъ оговорокъ противопоставлять группу *классовую* (буржуазію) группѣ *сословной* (дворянству). Неправильно также дѣлаемое авторомъ противоположеніе буржуазіи „привилегированнымъ“ (см., напр., стр. 35), такъ какъ тотъ *haut tiers*, который (совершенно правильно) включается авторомъ въ „буржуазію“, принадлежалъ также къ привилегированнымъ слоямъ націи. Неясно также, включаетъ ли г. А. Ону въ „дворянство“ одворянившихся ротюрьеровъ или нѣтъ. Вызываетъ, далѣе, большое недоумѣніе квалификація дворянства, какъ „класса“ (см., напр., стр. 567, 568, 584, 687). Можно, конечно, говорить о землевладѣльческомъ дворянствѣ, какъ о классѣ, или, точнѣе, какъ о составной части землевладѣльческаго класса, но дворянство, въ его цѣломъ, было всегда *сословіемъ*, а не *классомъ*. Что касается термина „интеллигенція“, то,

несмотря на свой нерусскій лексическій составъ, оно носитъ настолькоъ специфически-русскій, мѣстный характеръ, что было бы лучше вовсе воздержаться отъ его употребленія въ примѣненіи къ французской дѣйствительности XVIII вѣка. Что обойтись безъ него вовсе не трудно, наглядное тому доказательство—въ томъ, что авторъ самъ неоднократно и безъ всякихъ неудобствъ находитъ возможнымъ замѣнять слово „интеллигенція“ выраженіями: „образованное общество“, „образованные люди“. Прибавимъ, что столь неопредѣленной социальной величины, какъ та, которую авторъ называетъ „интеллигенціей“, имъ приписывается такое единство и такая внутренняя солидарность, что онъ считаетъ возможнымъ говорить о „программѣ интеллигенціи XVIII вѣка“ (стр. 348) и ставить вопросы въ родѣ слѣдующаго: „Но такъ ли понимала свое призваніе сама интеллигенція?“ (стр. 340). Неужели же г. А. Ону не чувствуетъ самъ всей неловкости подобной фразеологіи по отношенію къ Франціи XVIII вѣка?...

Отмѣтимъ, далѣе, нѣсколько отдѣльныхъ замѣченныхъ нами промаховъ и неточностей въ разныхъ частяхъ книги г. А. Ону. По его словамъ (стр. 26), при Людовикѣ XVI „никто почти не мечталъ во Франціи объ англійской конституціи“. Это утвержденіе автора идетъ въ разрѣзъ съ цѣлымъ рядомъ категорическихъ свидѣтельствъ современниковъ (см. объ этомъ второй томъ нашей „Провинціальной администраціи во Франціи“, стр. 380).

Руссильонскій верховный совѣтъ авторъ называетъ „земско-словнымъ представительствомъ Руссильона“ (стр. 72), т. е., значить, считаетъ его чѣмъ-то въ родѣ мѣстныхъ провинціальныхъ штатовъ. Въ дѣйствительности, это было высшее судебное учрежденіе названной области, аналогичное съ парламентами другихъ областей.

Пояснять названіе „субделегатъ“ выраженіемъ „въ родѣ нашихъ дореформенныхъ исправниковъ“ (стр. 91) по меньшей мѣрѣ неудобно, а почему—было бы долго объяснять, да и нѣтъ въ томъ нужды, такъ какъ относящіеся сюда данныя можно найти въ первомъ томѣ указанной выше нашей работы.

Графъ де-Латуръ-дю-Пэнъ названъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 95) *генераль-губернаторомъ* (области Сентонжъ), въ другомъ (стр. 98)— *главнокомандующимъ*. Последнее вѣрно, первое нѣтъ.

На стр. 104 г. А. Ону говоритъ о денежныхъ злоупотребленіяхъ, какъ объ „основѣ благополучія“ чиновниковъ въ старой Франціи. Г. А. Ону обнаруживаетъ въ своей книгѣ столько критическаго такта, что приведенный отзывъ, не имѣющій подъ собою никакихъ серьез-

ныхъ данныхъ и почерпнутый изъ ходячихъ представленій, мы склонны разсматривать, какъ случайный lapsus calami.

На стр. 165 городъ Агдъ, находящійся въ Лангдокѣ, ошибочно помѣщенъ авторомъ въ „Лионской провинціи“ (а что это такое: „Лионская провинція“?).

Робеспьеръ былъ депутатомъ отъ Артуа, а не отъ Фландріи, какъ значится на стр. 279.

Перечисленіе инородческихъ окраинныхъ языковъ, на стр. 401, слѣдуетъ дополнить беарнскимъ нарѣчіемъ (не смѣшивать съ провансальскимъ). Кстати, утвержденіе, что „въ Бретани крестьяне не говорили ни слова по-французски“ (стр. 538), вѣрно лишь наполовину, такъ какъ въ восточной половинѣ Бретани (къ востоку отъ Сень-Бріёка) бретонскій языкъ былъ уже вытѣсненъ въ то время французскимъ.

Опредѣленіе феодальныхъ правъ, какъ „повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ“ (стр. 635), неточно, такъ какъ въ дѣйствительности феодальныя права лежали на ротюрныхъ земляхъ, независимо отъ того, кто ими владѣлъ: крестьяне, горожане или дворяне.

Относительно сенъеріальной барщины г. А. Ону говорить: „Н. И. Карѣвъ, въ противоположность Токвилю, думаетъ, что она была все-таки болѣе распространена, чѣмъ принято полагать, и этотъ взглядъ подтверждается все болѣе и болѣе“ (стр. 640). Жаль, что г. А. Ону не указываетъ, чѣмъ же собственно подтверждается этотъ взглядъ. Въ наказахъ, дѣйствительно, очень часто упоминается о барщинѣ (corvée), но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, какъ обыкновенно явствуетъ изъ контекста, дѣло идетъ не о сенъеріальной, а о королевской барщинѣ, подъ которой разумѣлась натуральная дорожная повинность (замѣненная, правда, въ 1787 г. денежной податью, но продолжавшая сохранять въ обиходной рѣчи прежнее названіе).

Что касается переводовъ французскихъ текстовъ въ книгѣ г. А. Ону, то прежде всего отмѣтимъ неудобство испещрять русскую книгу непереведенными текстами, иногда заполняющими десятки строкъ и даже цѣлыя страницы подъ-рядъ (напр., стр. 295, 345, 553, 597, 691). Врядъ ли также удобно замѣнять переводъ транскрипціей, въ родѣ: „кайе“, „конституанта“, „легислатива“. Наконецъ, отмѣтимъ нѣкоторые изъ замѣченныхъ нами при чтеніи неточныхъ или неудачныхъ переводовъ. „Дать сто ударовъ ногай“ (стр. 61). Очевидно, переводъ французскаго „donner cent coups de pied“. Но вѣдь по русски говорится:

„дать сотню пинковъ“. Неудобно *bailliage* переводить „окружный судъ“ (стр. 82, 642). *Lâcheté* значить низость, подлость, а не „слабость“, какъ переведено на стр. 137. *Les officiers du présidial d'Agen*, т. е. „чины ажанскаго президіала“, передано неопредѣленнымъ выраженіемъ: „судебная корпорація аженскаго округа“ (стр. 157). *Réforme des abus* значить не „преобразование злоупотребленій“ (стр. 305, выраженіе, вдобавокъ, странно звучащее по-русски), а исправленіе, устраненіе злоупотребленій. На стр. 308 читаемъ: „Въ Лионѣ произошелъ расколъ между консервативными представителями главнаго города и депутатами отъ равнины (*plat pays*)“. Эта „равнина“ вызываетъ невольный знакъ вопроса на лицѣ читателя. Слѣдовало предпочесть менѣе буквальный, но по смыслу болѣе точный переводъ: „деревня“. Врядъ ли удобно *jasquerie* переводить „пугачевщина“ (стр. 463).

Отмѣтимъ еще нѣсколько стилистическихъ промаховъ. „Правительство стараго порядка было въ ту пору чрезвычайно слабымъ... О дисциплинѣ и страхѣ не было и намека“ (стр. 13). Намекъ бываетъ, какъ извѣстно, на что-нибудь, а не о чемъ-нибудь.

„Какъ велика ни была безпомощность“... (стр. 177). Такъ, конечно, не говорятъ, а тѣмъ болѣе не пишутъ.

На стр. 285 идетъ рѣчь о брошюрѣ, въ которой „доказывалось, что привилегіи дворянскихъ земель не составляютъ собственности, священной и неотъемлемой по праву собственности“. Не слишкомъ ли много „собственности“?..

Стр. 396: „Бастилія была все-таки олицетвореніемъ того произвола, отъ котораго крестьяне страдали на каждомъ шагѣ, и разрушеніе котораго (произвола, а не Бастиліи) было ихъ завѣтнымъ желаніемъ“. Совершенно непонятно, на что понадобилась автору эта вставка въ скобкахъ, такъ рѣзко дисгармонирующая съ обычнымъ ему умѣньемъ выражаться литературно; тѣмъ болѣе непонятно, что кому же бы могло прійти въ голову отнести „котораго“ (мужской родъ) къ „Бастиліи“?..

Стр. 496: „При такихъ условіяхъ общая тенденція судебной практики и общественное положеніе самихъ судей получаютъ рѣшительное значеніе“. Авторъ хотѣлъ, очевидно, сказать: „рѣшающее значеніе“.

„Новое вино“, какъ извѣстно, прорываетъ старые *тычи*, а не *тычи*, какъ думаетъ авторъ (или, быть можетъ, только его наборщикъ) (стр. 507).

На стр. 574 идетъ рѣчь объ аббатѣ Сіесѣ, „превратившемся въ наполеоновскіе сенаторы“. Смѣемъ думать, что онъ превратился просто-на-просто въ наполеоновскаго сенатора. Что онъ при этомъ былъ также „пожалованъ въ графы“,—противъ этого спорить не станемъ.

На стр. 659 одинъ субъектъ громко говоритъ „при выходѣ изъ объѣди“. Выходятъ, какъ извѣстно, либо „изъ церкви“, либо „отъ объѣди“.

Всѣ отмѣченные выше и крупныя и мелкіе дефекты,—а какая же книга безъ дефектовъ?—отнюдь не мѣшаютъ намъ признать за изслѣдованіемъ г. А. Ону высокую научную цѣнность, какъ по изученному имъ впервые обширному неизданному матеріалу, такъ по методологическимъ приѣмамъ изслѣдованія и, наконецъ, по достигнутымъ во многихъ отношеніяхъ интереснымъ и въ большинствѣ случаевъ вполне обоснованнымъ результатамъ. Многіе изъ послѣднихъ, несомнѣнно, сдѣлаются достояніемъ науки и послужатъ исходными пунктами для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ затронутой авторомъ области, въ особенности, если его книгѣ посчастливится, какъ она того вполне заслуживаетъ, быть изданной по-французски и, такимъ образомъ, стать доступной широкимъ кругамъ французскихъ и другихъ европейскихъ знатоковъ и изслѣдователей „старога порядка и революціи“ во Франціи.

26553

Цѣна 40 коп.

(Складъ въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглобина
въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ).

